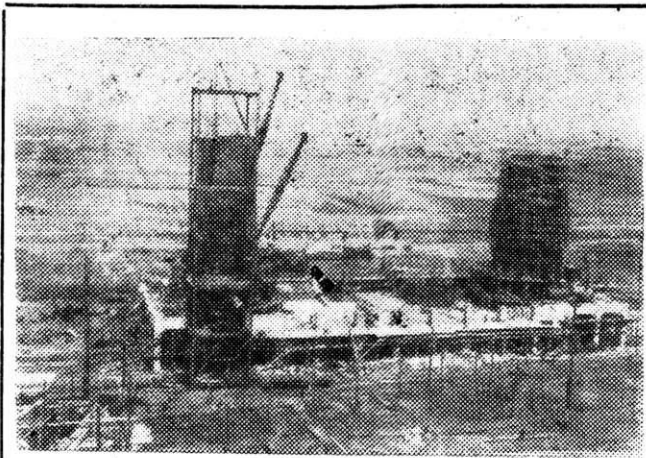

За 300-млн. тонну чугуна

Когда спрашивают, зачем цеху свой музей, доменщики отвечают ни больше, ни меньше словами Пушкина, что «не уважение к предкам есть первый признак безнравственности». Нужно хорошо знать прошлое, чтобы еще больше ценить настоящее — написано в книге отзывов.

НАСКОЛЬКО серьезно относятся доменщики к своей истории, я ощутила на собственном опыте. Еле донесла до проходной десяток толстых папок со скромной надписью «Краткая (!) история доменного цеха».

Первые приказы, распоряжения, протоколы... Порой эти сухие бумаги напоминают афиши важных театральные премьер. Как имена прославленных артистов, называются здесь фамилии простых рабочих, причастных к выплавке первых чугунов. Невольно говоришь спасибо тем, кто полвека назад ощущал историю в «сплошной лихорадке буден», и тем, кто уже сегодня отыскал ее следы в толще архивных бумаг.

О группе «Поиск», руководимой молодым коммунистом Михаилом Гибадулиным, газета рассказывала не раз. Да, ребята с честью выполнили свое первое большое партийное поручение. На основе собранных материалов и воспоминаний ветеранов был открыт первый в городе (а для металлургических предприятий и первый в стране) цеховой музей. А вот до вопроса, зачем им, молодым парням, понадобилось «сверх программы» глотать пыль десятилетий, когда и сегодня дел хватает, — до этого вопроса руки как-то не доходили. Между тем, ответы интересные. Например, такой: хочется узнать, какого мы роду-племени, до корней докопаться. Или: мой батя тоже домны строил, пусть и мой сын узнает, какой у него дед.

Говорят: дом, цех — частичка большой Родины. Их связывают тысячи незримых ниточек. Не всегда ощущаем мы эту связь, но если доведется — будто током пронзает.

...Случилось это год назад, за тысячу километров от Магнитки. На одной из тенистых улиц Сочи, вдали от шумного центра стоит каменный дом. В его комнатах, продуваемых всеми черноморскими ветрами, провел последние месяцы жизни писатель Николай Островский. Ослепший, недвижимый, он продолжал работать. Роман «Как закалялась сталь» был написан раньше, но в музее довелось увидеть, как он рождался. Лист рукописи вставлен в рамку. Деревянные линейки словно поводья для незрячей непослушной руки. Буквы падают и снова встают, как раненые солдаты. «Когда луч антенны, — читаем мы в заключительных главах романа, — принес из Магнитостроя весть о подвигах юной братвы, сменившей под кимовским знаменем поколение Корчагиных, Павел был глубоко счастлив. Представилась метель — свирепая, как стая волчиц, уральские лютые морозы. Вост ветер, а в ночи занесенный пургой отряд из второго поколения комсомольцев в пожаре дуговых

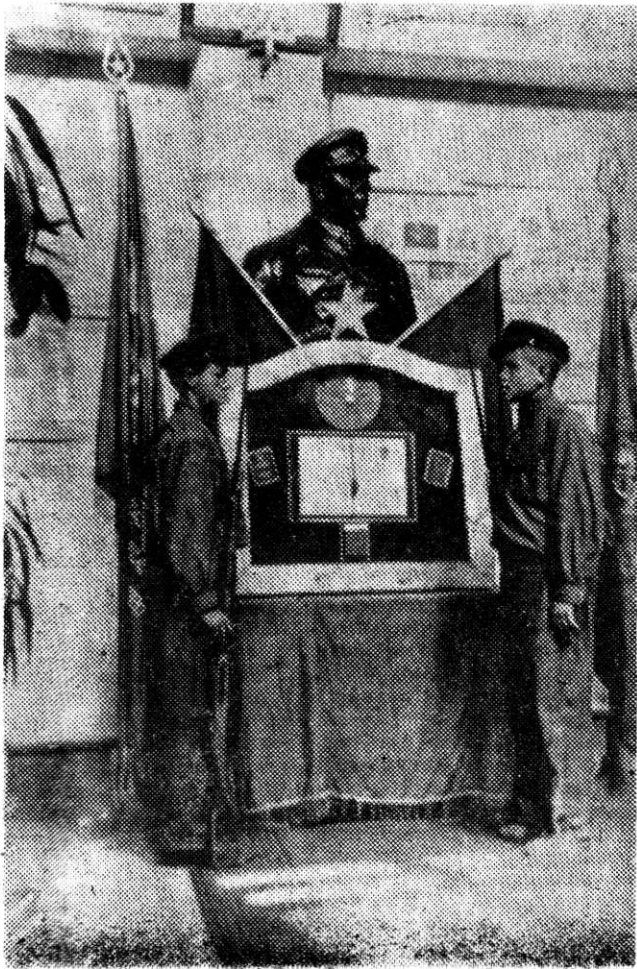
фонарей стеклит крыши гигантских корпусов, спасая от снега и холода первые цехи мирового комбината».

Именно так, пусть даже не совсем точно, рисовалась Павке—Островскому картина строительства доменной печи № 2. Первой Всесоюзной ударной комсомольской стройки. Впоследствии «Комсомолки». Но главное схвачено точно: родство двух поколений корчагинцев. Мы же, читая эти строки, видим уже третье поколение: горняков Романа Сибгатуллина, Александра Мойсеюка, которые, по словам их сверстников, и сегодня работают, как черти. Вот она, жилая, невыдуманная связь времен.

И ВОЗЬМИ любую из десяти печей — у каждой своя история. Когда готовились к 50-летию цеха, увидели, как много забыто. Восстановили имена домен, провели митинги, открыли мемориальные доски. Первая — имени 3-й райпартиконференции большевиков Магнитки, в своем рапорте которой строители заверили, что пустят домну в срок. Имени 50-летия газеты «Правда» комсомольско-молодежная третья печь, которой на днях исполнилось полвека. О верном друге Магнитки Серго Орджоникидзе напоминает имя доменной печи № 4. Святыни называют домны № 5 и 6, вставшие в невиданно короткие сроки в

годы войны. Колыбель движения за коммунистический труд — доменная печь № 7.

У печей послевоенных лет рождения № 8, 9 и 10 пока нет такого богатого прошлого. Но о них уже есть что сказать. 9-я и 10-я — самые мощные в цехе, имеют две чугунные летки на два литейных двора. Готовится к обновлению печь № 8, лучше всех поработавшая накануне юбилейной плавки.

Мы с гордостью
впишем здесь тех
имена,
Кто делом приблизил
рождение
Юбилейного
выпуска
чугуна

На сутки, на час,
на мгновенье, —
написал цеховой поэт В. Коннов. Последнее его совету, называя героев сегодняшнего дня: Р. И. Семягин, Н. С. Орехов, Л. Ф. Мавров, И. Т. Седин, А. П. Мамаев, Г. П. Муромцев, В. И. Чевычелов, В. Г. Бонин, А. И. Спиридоненко, В. К. Сырский, И. М. Лапка, И. И. Молчанов, Е. Ю.

с людьми; только творческая, без казенщины. И проводится она ненавязчиво, каждый день, как бы сама собой. Об одном таком дне хочется рассказать особо.

БЫЛ четверг, 23 июня 1983 года. Рано утром мы стояли с мастером производственного обучения СГПУ № 13 Константином Филипповичем Хабаровым на мостике у девятой доменной печи. Он поджидал из раздевалки своих ребят, которые отработали последние перед экзаменами дни производственной практики.

Киселев, М. С. Емельянов, И. И. Михайлов, Н. К. Иванов...

Но история — не только победы, митинги и рапорты. Потом, кровью и нервами давался чугун. Положение угрожающее, домну лихорадит, такой-то творит безобразия — и более лихо: дряблость руководства, прожженные оппортунисты и обыватели. — выписываю газетные заголовки тех лет. Протокол бурного комсомольского собрания, где секретарь комсомольской организации Юрий Яковлев (сейчас главный инженер комбината) выступает за парня, натворившего глупостей, берет его на поруки. Фотография, где молодой газетчик Алексей Полунин (сейчас секретарь парторганизации) среди участников плавки 200-миллионной тонны чугуна. Газовщиком начинал и нынешний секретарь гаркома КПСС В. А. Сметнев. «Семейный альбом» зримо показывает, что любые высоты берутся работой. Только так, не иначе.

На стене партбюро рядом с экраном активности коммунистов висит эскиз памятника доменщикам, который мечтают поставить на улице Доменщиков. Наравне с производственными делами обсуждается содержание альбома трудовой славы, оформленного в честь 300-миллионной тонны чугуна. Пахнет свежей типографской краской изданная тысячным тиражом летопись цеха. Кому-то покажется странной эта привязанность серьезного и сурового цеха к прошлому. Но эта «слабость» не что иное как часть, если хотите, идеологической политики цеха. Та же работа

— Приветствую, Филиппыч!

— Как здоровье? — пожимали ему руку проходившие на смену рабочие. Он рассеянно улыбался, кланялся, и глаза его краснели то ли от света горячего чугуна, то ли от воспоминаний.

Удивительный все-таки режиссер—жизнь! Распорядилась, чтобы эта встреча произошла в памятный для Хабарова день. В его годовщину — наполовину радостную, наполовину горестную. Ровно 42 года назад он впервые пришел на комбинат.

Спустя время Хабаров обнаружит среди домашнего хлама черную тарелку радиоприемника, откуда впервые донеслась до него страшная весть, и принесет ее в музей училища. А тогда пришел в общежитие мастер.

— Беда, ребята, немец идет. Тебя, Костя, просят выйти прямо с утра.

С утра, в понедельник, 23 июня 1941 года, на второй день войны он и вышел. Да так и отрубил без выходных и отпусков всю войну. Им не было и шестнадцати, трудовым резервам, доменщикам сорок первого. А. Бронников, А.

Иванов, Н. Феофанов, И. Амосов, Н. Гришин, В. Астахов, А. Лисенков, А. Базулев, П. Кулаков, П. Двойнин, П. Жарков... Так и видишь. Перед приемкой смены собирается коллектив: первый и второй горняки — кадровые, остальные дети. Осмотрел мастер бригаду и говорит: «Настоящий детский сад». Не с насмешкой, а с горечью и уважением. Война не щадила их, а люди щадили. Мастер, бывало, сунет то морковку, то картошку. Премии давали носовыми платками, носками, мылом. С помощью «детского сада» в рекордно короткие сроки поставили на ноги самые мощные по тому времени в Европе домны № 5 и 6, взяли впервые в мировой практике выплавить ферромарганец и ферросилиций, необходимые для производства специальных марок стали. Нет, по праву стоят эти два паренька (снимок внизу) у Красного знамени Государственного Комитета Обороны, которое доменный цех неоднократно завоевывал в годы войны. И жаль, по техническим возможностям не смогли дать в газете другой снимок. Там Косте 18 лет. Вьетса русский чуб, прямо сжат рот, а на груди значок победителя соцсоревнования и орден «Знак Почета», который вручал ему сам Тевосян.

Невольно сравниваешь с сегодняшними восемнадцатилетними. Похожи? Нет? Вот они, эти ребята. Небрежно облокотились о перила, цепочка поблескивает из-под спецовки, в руках сигарета. Стоят у девятой печи и, как бывалые металлурги, толкуют о том, что реконструкция — это, конечно, дело, но вот если бы везде кнопки, да пыли и грязи поменьше — совсем было бы хорошо.

Но сразу серьезнеют, меняются лица, как только узнают, какой сегодня день у Хабарова. Может быть, на миг представили себя на его месте 42 года назад? Не дрогнули бы?

— А что? Мы тоже не подведем.

Подходит старший горняк Валерий Егорович Мещеров. Оценивающе оглядывает практикантов и командует:

— Амбразуру менять будем. Живо за бурами.

Это отец одного из ребят, Олега Мещерова. Он в свое время плавил 250-миллионную тонну чугуна. Хорошо пойдут у сына дела, глядишь, и прибавится к династиям Горностаевых, Колдузовых, Будановых, Черкасовых, Ергашовых, Бронниковых, Спиридоненко, Ивановых еще одна рабочая династия доменщиков.

Мирный день. Мирные заботы.

Е. КАРЕЛИНА.

На снимках: в центре — Герои Социалистического Труда А. Л. Шатилин, В. Д. Наумкин, Е. Д. Борзенков, мастер СГПУ № 13 К. Ф. Хабаров вручают выпускнику училища рабочий пропуск на комбинат. Сверху и снизу — вид доменного цеха вчера и сегодня.

